

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Сетевое издание

**№ 4 (55)
2021**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., акад. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия);
Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет;
Хлахула И., Dr. hab., университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша);
Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США); Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Аношко О.М., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта (Германия);
Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Зими́на О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Пошехонова О.Е., ТюмНЦ СО РАН; Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 406-360, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2021

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 4 (55)
2021**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:

Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Chlachula J., Doctor hab., Professor, University of a name Adam Mickiewicz in Poznan (Poland)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Editorial staff:

Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Anoshko O.M., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Poshekhonova O.E., Tyumen Scientific Centre SB RAS
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОГО ЖЕНСКОГО МОНАШЕСТВА НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИЙ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА 1940–1950-х гг.

Представлена история русского женского монашества на Святой земле в условиях образования государства Израиль и разворачивания холодной войны. На материалах эго-документов монахинь показана эскалация конфликта между сторонницами Русской православной церкви Московского патриархата и эмигрантскими структурами русского православия. На архивных материалах прослеживаются мотивы участия представителей советских инстанций в отборе кандидатур на пополнение русских женских монастырей и скитов Палестины.

Ключевые слова: Палестина, церковная дипломатия, православие, холодная война, Горненский монастырь, стратегии выживания, русское присутствие, паломничество.

Введение

«За 3 года мы похоронили 15 сестер, таким путем на радость враждебников наших монастырь умалывается и ждет к ликвидации сам собой. Меры необходимы экстренные и твердые» — такими словами заканчивала свое отчаянное донесение от 19 февраля 1952 г. патриарху Московскому Алексию игуменья Афанасия, настоятельница Горненского монастыря на Святой земле. В настоящей статье будет показано, как русские монахини оказываются под угрозой исчезновения и как их включение в геополитические интересы Советского государства делает их акторами холодной войны. Фокус исследования направлен в первую очередь на женщин, остающихся невидимыми в официальной историографии русского православного присутствия в Палестине, сводимого часто к истории руководителей Русской духовной миссии, к усилиям в сфере приобретения и благоустройства недвижимости. Несмотря на обилие исследований женская история «русской Палестины» [Шаповалов и др., 2021] остается в целом ненаписанной. Даже в официальной истории Горненского, Елеонского, Гефсиманского монастырей внимание сосредоточено на имуществе, архитектуре, храмовых постройках, вкладе российской императорской семьи и, в лучшем случае, биографиях настоятельниц. Между тем в последние годы был введен в научный оборот комплекс источников [Кривова, 2010; Копылова, 2015; Копылова и др., 2019; Паламаренко, 2020а, 2020б].

Цель исследования — реконструировать повседневную жизнь русских монахинь на территории Палестины после II Мировой войны и определить значение их присутствия в условиях трансформаций на Ближнем Востоке в 1940–1950-е гг. Для этого необходимо решить следующие задачи: проанализировать круг доступных сегодня эго-документов, характеризующих повседневность и внутреннюю мотивацию женщин при выборе церковной юрисдикции; выявить на основании письменных источников круг наиболее активных сторонниц Московского патриархата, посмотреть на монахинь как на информационных агентов РПЦ и советского правительства; охарактеризовать акторов, влияющих на повседневность русских монахинь в условиях создания государства Израиль и новых границ, разделивших Святую землю; выявить мотивы и инструменты влияния, используемые представителями как светской, так и церковной дипломатии в отношении монашествующих женщин; описать последствия включения монахинь в сферу интересов МИД СССР; показать специфическую роль, которую начинают играть «русские женщины» в условиях борьбы за закрепление позиций СССР и Русской духовной миссии в регионе. Источниками для анализа стали документы государственных архивов России и Украины, опубликованные воспоминания и письма участников событий. Соединение методов исторической антропологии, микроистории, истории повседневности с политической историей холодной войны позволило выявить агентность традиционно незамечаемой в политической истории категории женщин-монахинь. Необходимо оговорить, что исследование в силу специфики источников со-

средоточено исключительно на группе монахинь Святой земли, вошедших в юрисдикцию Русской православной церкви.

Монахини Святой земли выбирают Московский патриархат

Советский Союз принимал активное участие в решении палестинского вопроса в середине 1940-х гг. (подробнее см.: [Агапов, 2012, с. 33–43; Носенко, 2016, с. 71–74]). Советское государство искало способы закрепить свое присутствие, в том числе через восстановление православной инфраструктуры, созданной еще в имперский период. Однако в 1920–1930-е гг. эта инфраструктура оказалась в распоряжении русской эмиграции, находившейся в юрисдикции (преимущественно) Русской православной церкви за границей (РПЦЗ). Претензия Русской православной церкви Московского патриархата (далее — РПЦ) на восстановление своего присутствия на Ближнем Востоке стала очевидна во время официального турне патриарха Алексия I на православный Восток в 1945 г. [Болотов, 2011, с. 153–174; Каиль, 2017]. Во время поездки, призванной восстановить отношения с Восточными патриархатами и показать международную значимость Московского патриархата, глава РПЦ посетил и Палестину, где произошло прямое столкновение двух юрисдикций русской церкви. Ухудшение дипломатических отношений между СССР и Израилем вынудило МИД СССР сосредоточиться на закреплении в регионе через церковное присутствие, что неизбежно втягивало в геополитические комбинации местное русскоязычное население [Белякова, Каиль, 2021]. Внутри русского православного сообщества Палестины, а оно начиная с Первой мировой войны было преимущественно женским [Семенченко, 2012, с. 53–56], развивается конфликт: одни выбирают Московского патриарха (и Иерусалимского патриарха соответственно), другие остаются в юрисдикции представителей РПЦЗ, с которыми Иерусалимский патриархат прекращает общение. Часть монашествующих, решивших перейти в РПЦ, оказывается в уязвимом положении. Например, конфликт в Горненском монастыре, послужил причиной смены игумений и ухода части монахинь [Паламаренко, 2020а, с. 25–29]. В Елеонском монастыре монахини остаются в юрисдикции РПЦЗ, тогда как перешедшая в Московский патриархат группа получила от Иерусалимского патриарха отдельный храм в Эйн-Кареме. Письмо, отправленное летом 1947 г. митрополиту Николаю (Ярушевичу), показывает, как выбор монахинь отразился на их повседневной жизни.

«Со времени радостного пребывания Вашего со Святейшим патриархом нашим прошло уже более двух лет. Это были годы непрерывного ожидания и надежд, до сих пор, к великой скорби нашей, не оправдавшихся... Ведь вот уже более двух лет, как мы терпим бесчисленные притеснения, поношения, травлю со стороны отца Антония и всех его раскольничьих приверженцев. Очень трудно не слабеть в этой борьбе, когда за раскольников стоят местные власти. Есть среди нас немощные, старые, которых мы всячески оберегаем от уныния, но есть два основных вопроса, которые всей тяжестью обрушились на нас, — это, во-первых, и важнее всего, вопрос о церкви и, во-вторых, вопрос о материальной нужде. Более двух лет наша монастырская церковь закрыта. В наше распоряжение блаженнейший патриарх Тимофей предоставил греко-арабскую церковь в селе, но эта церковь очень далеко расположена, под горой, идти к ней надо по каменистой тропе, и большинство наших сестер, старые и немощные, не в состоянии даже летом к ней спускаться; в дождливое же время это ни для кого невыносимо. Без своей церкви мы все страдаем. Нам говорят, что, если Святейший патриарх прикажет, церковь нашу правительство откроет. Земно кланяясь Вашему Высокопреосвященству, слезно молим Вас, если возможно, помогите нам в этом деле... Есть у нас и другая забота — вопрос о хлебе насущном для наших немощных и престарелых сестер, из которых многим свыше 80 лет. Мы получаем паек в 1 фунт 35 пиастров в месяц, на что жить без постороннего заработка совершенно невозможно, и наши старушки совершенно нетрудоспособны, да еще и больны» ([ГАРФ. Ф. 6991, оп. 1, д. 15, л. 149–150]. Опубликовано: [Паламаренко, 2020b, с. 168]). Письмо подписано игуменией Антониной (Гришко), монахинями Вероникой (Гордеевой), Афанасией (Лисенковой), Глафирой (Лариной). Это один из немногих текстов, рассказывающих о религиозной мотивации женщин, жизнь которых сосредоточена вокруг церкви, и зависящих от крупных политических и церковных игроков, разыгрывающих комбинации на Святой Земле. Мы видим, что на повседневность монашествующих влияют местное правительство, Иерусалимский патриарх, представитель РПЦЗ архимандрит Антоний Сенкевич, глава ОВЦС МП митрополит Николай (Ярушевич) и патриарх Московский Алексей. Выбор юрисдикции Московской патриархии означал невозможность получать финансирование от эмигрантских структур и делал его обременением для представителей СССР, находящихся в условиях перманентного валютного дефицита.

Образование государства Израиль (в 1948 г.) [Penkower, 2018] и предпочтения представителям Московской патриархии на получение «русского» имущества и регистрации РДМ (до этого она находилась в распоряжении представителей РПЦЗ) принципиально поменяли расклад сил. Женское православное сообщество разделилось не только юрисдикционно, но и государственными границами. Восточная часть Иерусалима и Старый город оказались в Иордании вместе с Елеонским женским монастырем и группой монахинь, проживавших в Гефсимании и вокруг храма Гроба Господня. Тогда как РДМ и Горненский монастырь находились на территории Израиля. Итак, наиболее крупная группа монахинь (и паломниц) оказалась на территории Израиля; большая часть из них проживала в Горненском монастыре. Несколько монахинь служили в Русской духовной миссии. Дипломатические представители СССР и представители РПЦ в лице руководства РДМ обратили внимание на «русских людей» на Святой земле (большинство русскоязычного населения Палестины составляли женщины в статусе насельниц монастырей (монахинь, послушниц или паломниц). Связано это было как с попытками закрепления геополитического влияния [Beglov, Belyakova, 2012, p. 171–191; Белякова, Пивоваров, 2018], так и с усилиями вернуть недвижимость, приобретенную в период Российской империи; в условиях образования государства Израиль такие шансы были. Горненский монастырь вошел в структуру миссии [Паламаренко, 2019, с. 76], расходы и доходы с его территорий стали частью ее бюджета.

Схиигумения Евгения и монахини Московского патриархата в Иордании

Появление представителей Московской патриархии на Святой земле сопровождалось жестким противостоянием и вытеснением представителей альтернативной церковной структуры — РПЦЗ, воспринимавшейся главным идеологическим конкурентом РПЦ на международной арене. В среде русской эмиграции сложился нарратив об антирелигиозном советском коммунистическом государстве, о репрессиях в отношении верующих (особо чтимыми фигурами на Святой земле были расстрелянные великая княгиня Елизавета Федоровна и ее спутница ин. Варвара). Переход монахинь в юрисдикцию РПЦ предполагал очевидную личную и политическую мотивацию, и имел, судя по всему, очень болезненные и необратимые церковные и социальные последствия. Если на территории Израиля доминирующими оказываются представители Московской патриархии в лице сотрудников РДМ, то иная ситуация складывается на территории Иордании, где доминировали представители РПЦЗ, прежде всего насельницы Елеонского монастыря (игумения Тамара) и Гефсиманского скита (игумения Мария Робинсон). Эти знатные и хорошо образованные дамы стремились сохранить практики социальной активности (приюты, школы) и искали для этого новые источники финансирования [Холодюк, 2017].

Сторонницы Московской патриархии в Иордании, осознавая себя форпостом/авангардом Московской патриархии, оказались изолированным меньшинством. Из-за отсутствия налаженной связи сторонницы МП вынуждены были общаться с РДМ письменно. Они адресовали свои послания иерархам, ответственным за международные отношения РПЦ (митрополиту Николаю и митрополиту Григорию). Их сообщения одновременно представляли собой плач библейского Иова и сводки с театра военных действий: «...мы оставлены на смех и поругание, от русских и греков, отовсюду обиды, хулы, ненависти, зависть, укоры и гонение из квартиры в квартиру, и нет заступающего...» [Паламаренко, 2020b, с. 169]. Внутри этого женского сообщества особенно заметной становится монахиня, ставшая сегодня для историков уникальным источником сведений о повседневных конфликтах, слухах, эпизодах в Старом Городе и Иордании. Речь идет о схиигумении Евгении (Митрофановой, ум. в 1959 г.). Она приехала в Палестину в 1935 г. из Франции по благословению афонского старца схиигумена Софрония, получив от митрополита Анастасия (Грибановского) благословение на обустройство женского монастыря и приюта в Яффе. В Палестине у нее возник личный конфликт как с архим. Антонием, так и с игуменией Марией (Робинсон). Во время Второй мировой войны созданные ею приюты и Яффский монастырь были ликвидированы; сама игумения перешла в юрисдикцию Иерусалимского патриарха [Паламаренко, 2020b, с. 13]. Одним из мотивов, побудивших Евгению сделать ставку на патриарха Алексия, помимо острого конфликта с другими лидерами, как представляется, стали надежды на возвращение имения на Воьны (реквизированного во время Второй мировой войны). Доходы с имения расходовались на содержание детского приюта. В октябре 1945 г. она просила патриарха Алексия походатайствовать о возвращении имения, в котором планировалось открыть женский монастырь. Она писала: «Мне кажется, что я имею все права на то, чтобы мою усадьбу вернули. Ведь она никогда не была заброшена, всегда управлялась очень тщательно, пока ее не реквизировал Гитлер, оставив меня почти без всяких средств к существова-

нию. Мне же 74 года, и я часто хвораю, умственно работать могу интенсивно, но к физическому труду не способна... Перед войной я ездила на Волынь, и крестьяне выражали большое желание иметь монастырь, многие девушки просились в послушницы. На рубеже с воинствующим католицизмом нам нужны православные оплоты» ([ГАРФ. Ф. 6991, оп. 1, д. 15, л. 66–67]). Опубликовано: [Паламаренко, 2020а, с. 20]). Совершенно очевидно, что схиигумения Евгения не представляла реалии Советского Союза, рассчитывая на возвращение имущества за персональные заслуги перед новой властью. Эпистолии схиигумении Евгении до 1959 г., а затем ее преемницы монахини Серафимы (Путяты) до 1967 г. были, вероятно, единственным источником сведений для представителей Московской патриархии и советских чиновников о ситуации в Иерусалимском патриархате на территории Иордании. Схимонахиня Евгения подробно рапортовала о происходящем в среде сторонников РПЦЗ и положении дел в Иерусалимской православной церкви, ревностно следила за тем, кому оказывается предпочтение. Нахождение небольшой группы преданных РПЦ (точнее, патриарху Алексию) лиц на территории Иордании, видимо, было стратегически важным, и пересылаемые сообщения анализировались как внутри Московской патриархии, так и советскими инстанциями.

Письма внимательно изучались, по крайней мере в СДР, иногда оказываясь в одной аналитической сводке (выборке) с сообщениями начальника РДМ. Схиигумения приводила яркие эмоционально окрашенные характеристики: «На Елеоне большие перемены. Новая игумения Тамара, по-видимому, очень хороший человек и старается бороться против старых течений — злобы и ненависти, но она слабохарактерна и в шорах у архимандрита Дмитрия, а он спешник митрополита Анастасия и лютей враг нашей Матери-Церкви. Все-таки матушка Тамара настояла на своем, и в день Вознесения, впервые после 7-ми лет, ворота монастыря были открыты для всех, и была устроена трапеза для всех монахинь (даже наших) и богомольцев на 250 чел. Деньги на эту трапезу дала одна приезжая из Цюриха русская состоятельная дама (наша всецело), так как в монастыре ни денег, ни какого-либо инвентаря нет — все расхищено и распродано. Эта дама хотела остаться, постричься, но ее оттолкнул грубостью и нетерпимостью архимандрит Димитрий, и она уехала обратно» [ГАРФ. Ф. Р-6991, оп. 1, д. 985, л. 170]. Кроме схиигумении корреспондентами были и другие монахини.

Авторам писем было свойственно дихотомичное мышление, желание очернить своих противников и противопоставить их своим союзникам. Вот пример отчаянного письма монахинь, желавших попасть в Русскую духовную миссию: «...попираются на Елеоне заветы Спасителя о милости и любви иг[уменьей] Тамарой и архимандритом Димитрием Биакеем, татаринном, бывшим мусульманином, бежавшим из Киево-Печерской лавры во время Второй мировой войны... Теперь же он именуется начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме, но в 10 минутах ходьбы от Живон[осного] Гроба Господня за запертой границей в Иерусалиме израильском находится настоящая Русская духовная патриаршая миссия, возглавленная архимандритом Поликарпом. <...> В подведомственных ему подворьях живут старухи, не признающие Святейшего Патриарха Алексия, отказывающиеся посещать церковь Патриаршую и там причащаться Св[яты]х Таин. Тем не менее архим[андрит] Поликарп их не выгоняет, дает им ежемесячное пособие, а по смерти хоронит их как православных христиан. Это знают наши елеонские патриаршие сестры и говорят: “Нас не устрашат прецения Димитрия и Тамары, и их издевательства над прахом новопреставленной нашей сестры Харитины. Мы никогда не примкнем к анастасиевскому расколу, потому что там царит ненависть и злоба, тогда как у Святейшего Патриарха Алексия и его духовенства мы видим Божью правду и христианскую любовь”» [ГАРФ. Ф. 6991, оп. 2, д. 107, л. 173–175; Паламаренко, 2020b, с. 171]. Письмо демонстрирует установки «русских женщин», пожелавших принять юрисдикцию Московской патриархии. Составительницы текста показывают свой мирок, разделенный на своих и чужих. Примером категорического неприятия «чужих» являются характеристики игумении Тамары или архим. Димитрия, отражающие классовые и национальные дефиниции. С другой стороны, эта дихотомия совершенно не означает верности и признания авторитетов выбранного церковного руководства. Эти же монахини писали жалобы и на представителей Московского патриархата. Архим. Никодим (Ротов) так описывал доставшийся в «оформление» контингент: «В подавляющем большинстве это люди преклонного возраста (самые молодые имели возраст около 65 лет). За сорок с лишним лет проживания в чужой земле в тяжелых материальных условиях при постоянном унижении зарабатывающие кусок насущного хлеба выработали в себе приспособленчество, пресмыкательство перед имущими деньги и болезненно повышенное самолюбие. Если к этому еще прибавить

сильную нервозность, вполне оправдываемую многолетней жизнью в чужой стране, среди чужого народа при постоянной неуверенности в завтрашнем дне, и полное отсутствие дисциплины, ибо в поисках заработка насельницы обителей только жили в монастырях, а работать часто уходили на сторону, от Миссии же или от Палестинского общества они привыкли получать пособие (только в момент получения денег люди подобострастно кланялись, могли целовать руку, а отойдя могли ругать выдавшего им деньги, то получится атмосфера весьма трудная для работы и вообще тяжелая» [Никодим (Ротов), 2019, с. 40]. В нарративах монахинь, адресуемых представителям Московской патриархии, доминировали сообщения о финансовых проблемах. Безусловно, монашествующие, принадлежащие к РПЦЗ, тоже находились в крайне стесненном материальном положении. Однако они взаимодействовали с ППО, представителями РПЦЗ из Западной Европы и Америки, их коммуникации развивались достаточно активно. Православные эмигранты, разбросанные по всему миру, могли приезжать в Святую землю и пополнять бюджет обителей Святой земли [Герасимова, 2020]. Тогда как принявшие юрисдикцию патриарха Алексия могли рассчитывать только на прямое финансирование от РПЦ, и привычка просить подаяние сохранила для нас хотя бы некоторые тексты этих женщин.

Советская поддержка монахинь Святой земли

Документы, отложившиеся в государственных архивах, показывают амбивалентное отношение к монахиням со стороны представителей РПЦ. С одной стороны, они были необходимы для закрепления советского влияния в регионе: монахини и бывшие паломницы составляли паству РДМ, обосновывая присутствие представителей РПЦ в Израиле. При этом их финансирование началось только после официального оформления Русской духовной миссии Московского патриархата в 1949 г., когда им стали выделять незначительные средства. Нужно помнить, что послевоенный период характеризовался принципиально новым этапом отношений между Советским правительством и руководством РПЦ; финансовое обеспечение внешнеполитических активностей РПЦ шло через советские ведомства, и в условиях стабильного валютного дефицита в бюджете СССР получение «иностранной валюты» свидетельствовало о необычайной важности направления.

Насколько важными с точки зрения советской внешнеполитической логики были престарелые монахини, свидетельствует наличие в бюджете миссии отдельной графы на содержание «состава женского Горненского монастыря 46 человек русских монахинь, в большинстве оставшихся в Палестине со времени Первой мировой войны и достигших возраста 60–80 лет и нетрудоспособных» [Копылова и др., 2019, с. 190]. Представители миссии упирали на то, что монахини практически неработоспособны. Вот какую характеристику давал им архим. Поликарп (Приймак) в 1951 г.: «Монастырь в хозяйственном и материальном отношении находится в упадочном состоянии главным образом из-за малочисленности и старости насельниц монастыря. Теперь это можно сказать — богадельня во главе с игуменией, а не монастырь. Благосостояние монастыря можно поднять путем увеличения числа нестарых, работоспособных сестер» [ГАРФ. Ф. Р-6991, оп. 1, д. 985, л. 45].

Судя по всему, кризис в монастырской жизни был вызван не только естественным старением насельниц и расколом (из-за которого активная часть монахинь покинула монастырь), а также военными действиями на территории Палестины. Были эвакуированы приюты для девочек и работающие в них монахини. Женские монастыри, служащие важными культурными и социальными центрами — при них содержались школы для местного населения, приюты для сирот и детей из бедных семей, амбулатории и даже больницы, — превратились, по сути, в богадельни, полные болезненных, престарелых и конфликтных женщин. «Здесь совершенно нет монахинь, которые могли бы быть хорошими игуменьями и установить настоящую строгую духовную монастырскую жизнь. На старых дрожжах новая закваска не получится и оздоровления не будет. Поэтому общая мольба к Вашему Святейшеству — сообразованно прислать опытных игумений с несколькими сестрами, настоящими по духу и жизни монахинями. Здесь возможна большая и плодотворная духовная работа. Арабы сочувственно относятся к русским монастырям, очень были довольны Яффским приютом, в котором мы воспитывали девочек-сироток в православно-русском духе, и очень желают восстановления такого приюта. Лишь бы были живые люди, которых здесь нет. Свет должен воссиять с Востока от Вашего Святейшества», — писала еще в 1945 г. схиигумения Евгения патриарху Московскому Алексию [ГАРФ. Ф. 6991, оп. 1, д. 15, л. 66–67]. Однако насколько в стратегических интересах советского правительства было возрождение женского монашества? Очевидно, что для представителей советского МИД и руководителей

РДМ монахини нужны были как дешевая или бесплатная рабочая сила, поддерживающая имущество, на которое претендует СССР. Поэтому они отказали в организации в монастыре приюта для арабских девочек. Недовольство полученным «неэффективным контингентом» и сложностью выживания в новых условиях регулярно звучало в отчетах руководителей миссии. Так, руководитель РДМ писал в Москву (дек. 1951 — янв. 1952): «...пособие насельницам Горненского монастыря выражается в размере 6 фунт<ов> в месяц, но это не удовлетворяет самые минимальные потребности... На хлеб насельнице идет около 3 ф<унтов>, на керосин (приготовление несложной пищи) 2 ф., на приобретение продуктов по карточному пайку 3 ф<унта>. Таким образом в месяц насельнице нужно минимум 8 из<раильских> ф<унтов>, а мы даем ей 6. Отсюда они побираются, кланчат... Благотворительность приходится направлять на своих людей» [ГАРФ. Ф. Р-6991, оп.1, д. 985, л. 39].

Между руководством миссии и монастырем происходили конфликты из-за непрозрачности финансов монастыря, а главное, финансовых возможностей его насельниц. Вот типичный вопрос, рассматриваемый в протоколе (1952 г.), показывающий зоны конфликта: «О ненормальных явлениях в экономике Горненского монастыря: хозяйством монастыря игуменья Афанасия заведует единолично и бесконтрольно» [ГАРФ. Ф. Р-6991, оп. 1, д. 985, л. 104]. Благодаря сохранившейся финансовой документации РДМ мы видим распределение поступающих средств. Иерархическую пирамиду возглавлял начальник РДМ — архимандрит, получавший в начале 1950-х гг. 180–200 фунтов¹ в месяц (мать архим. Поликарпа в это время жила в Москве в ведомственной квартире и получала от Московской патриархии 3000 р. в месяц), два члена миссии (обычно в священническом сане) получали по 150 фунтов в месяц, а их семьи в Москве — по 5000 р. [ГАРФ. Ф. 6991, оп. 1, д. 985, л. 53]. Внизу пирамиды находились монахини, и еще ниже — паломницы. Согласно смете миссии на 1952 г., содержание престарелых шло отдельным пунктом [ГАРФ. Ф. Р-6991, оп. 1, д. 985, л. 137]. Выделение престарелых в отдельную статью расхода означало определенную стабильность их положения. В июне 1952 г. пособие было увеличено: «Монахини Горненского монастыря, получавшие ежемесячное пособие в размере 6 из<раильских>ф<унтов>, по новым ставкам стали получать 24 из<раильских>ф<унта>» [ГАРФ. Ф. Р-6991, оп. 2, д. 133, л. 69].

Экономическое положение монахинь Горненского монастыря, а главное, стабильность и предсказуемость их финансирования в выгодную сторону отличались от ситуации монахинь, находившихся в Иордании. До 1955 г. бюджет РДМ ежегодно рос. Наиболее крупной статьей расходов было содержание насельниц монастыря (в 1951 г. — 46 чел.) [ГАРФ. Ф. Р-6991, оп. 1, д. 958, л. 57]. Однако просьбы об увеличении финансирования вызывали критику со стороны советского представителя. Жесткую отповедь дал посол СССР в Израиле А.Н. Абрамов. При встрече с руководством Совета по делам РПЦ в октябре 1955 г. он заявил: «...начальник миссии в проекте сметы завысил отпуск средств на содержание монахинь. Начальник миссии считает, что на содержание каждой монахини следует отпускать 150 израильских фунтов или 330 рублей в месяц. Тов. Абрамов полагает, что на содержание монахинь вполне достаточно отпускать 75 израильских фунтов в месяц, учитывая, что питание обходится примерно в 40 фунтов в месяц на человека, и кроме того, они имеют возможность вести свое хозяйство, которое обеспечит овощами монахинь. Земля в Иерусалиме настолько плодородна, что дает урожаи в течение всего года. Тов. Абрамов считает, что нужно несколько снизить содержание членов миссии, которое также завышено» [ГАРФ. Ф. Р-6991, оп. 1, д. 1324, л. 143]. Финансовый дефицит, постоянно испытываемый на Святой земле, накладывался на кадровый кризис: не хватало рабочих рук для поддержания имущества, на которое претендовала РПЦ.

Как оживить Горненский монастырь?

19 февраля 1952 г. игуменья Горненского монастыря Афанасия (Лисенкова) направляет очередной доклад на имя патриарха Московского Алексия: «Чсть имею донести до Вашего сведения тяжелое состояние нашей Обители от недостатка сестер. На все послушания не хватает рабочих рук, но особенно тяжело это ощущается в певчих и чтецах: у нас сестра на старшем чтении — каноника, четвертый год одна без смены. Певчих 8: одна из них девочка² и есть больные, которые не могут присутствовать всегда. Сестры наши в преклонных годах, здоровья некрепкого. За 3 года мы похоронили 15 сестер, таким путем на радость враждебников наших

¹ В разных ведомостях указаны разные суммы.

² Речь идет о приемной дочери игуменьи Афанасии — Евангелине, которой было на момент написания письма 14 лет.

монастырь умалывается и ждет к ликвидации сам собой. Меры необходимы экстренные и твердые [ГАРФ. Ф. Р-6991, оп. 1, д. 985, л. 210]. Несмотря на настойчивые просьбы со стороны Московской патриархии и представителей МИД, решение о принятии в советское гражданство монахинь и паломниц и пополнении женских монастырей в Израиле было принято не сразу. Советское гражданство, с некоторыми оговорками, монахини и паломницы получили к лету 1952 г., тогда как одобрение на пополнение Горненского монастыря произошло только в 1955 г. Основным аргументом, учтенный на высшем партийном уровне, — «пополнением монастыря преследуется цель закрепления его имущественных прав в Иерусалиме». Комплектация монастырей Святой земли молодыми и работоспособными монахинями из Советского Союза становится общей задачей для Московской патриархии и советских ведомств, поскольку согласно установке МИД необходимо «сохранение огромного имущества, принадлежащего миссии и оцениваемого в 20 миллионов долларов только в Израиле и в 50 миллионов долларов в Старом Городе» [ГАРФ. Ф. 6991, оп. 1, д. 1324, л. 142]. Сюжеты, посвященные монахиням, появились в советском делопроизводстве начиная с 1955 г. Документы о комплектовании групп монахинь для Святой земли проходили по ведомству Совета по делам РПЦ и его уполномоченных, КГБ и Комиссии по выездам за границу ЦК КПСС. Процесс набора монахинь из монастырей Советского Союза (надо сказать, что большая часть монастырей находилась на территориях, присоединенных к СССР в ходе Второй мировой войны, в первую очередь из монастырей Украинской ССР, в более поздний период — из Пюхтицкого монастыря (Эстонская ССР)) пока совершенно не изучен.

К марту 1955 г. совместными усилиями представителей Московской патриархии и Совета по делам РПЦ в комиссию по выездам за границу ЦК КПСС был составлен список, в котором перечислялись монахини, направляемые в Израиль на пять лет с перспективой остаться навсегда. Но Комиссия по выездам за границу, давая им разрешение, не указала на возможность продления проживания на Святой Земле. 15 мая 1955 г. Совет по делам РПЦ сообщил в МИД СССР, что «Московская патриархия получила разрешение командировать в Израиль для пополнения Горненского женского монастыря 13 монахинь сроком на 3 года» [ГАРФ. Ф. Р-6991, оп. 1, д. 1324, л. 14]. К октябрю 1955 г. в Израиле находились 7 монахинь из СССР, и все, кроме одной болевшей миокардитом, характеризовались как адаптировавшиеся [Там же, л. 142]. Однако в отчете руководителя РДМ архим. Пимена (Хмелевского) приводится иная характеристика здоровья присланных монахинь: «...как указывает врач, большинство указанных монахинь так и приехали из Советского Союза со своими болезнями, однако местные климатические условия весьма отрицательно действуют на организм больных, особенно же на монахиню Нину, инокиню Елену и инокиню Ксению, которым рекомендовано при первой возможности переменить климат, то есть возвратиться в СССР» [Пимен (Хмелевский), 2008, с. 484–485].

Судя по всему, найти в послевоенных советских монастырях молодых, физически крепких и психологически устойчивых женщин, готовых отправиться для тяжелой работы в регион с постоянными военными действиями и очень тяжелым климатом, было сложно. Состояние здоровья монахинь становится предметом переписки и обсуждения разных ведомств. В этих обстоятельствах каждая претендентка становилась заметной как для представителей Московской патриархии, так и для советских инстанций. В архивах КГБ сохранились характеристики агенток, которые хоть как-то позволяют нам представить их социальный облик. Например, из Овручского монастыря (Житомирская область) КГБ предлагал для отправки в Израиль двух «проверенных» кандидаток: «Петрову» и «В-20». Примечательна переписка между руководителями подразделений КГБ на Украине, показывающая зависимость КГБ от желаний и установок монашествующих [ГДА СБУ. Ф. 2, оп. 1, д. 2868]³. «Согласно поступившего от вас предложения за № 662с от 9.12.1954 года об агенте “Петровой” как возможном кандидате для внедрения в группу монахинь, направляемых Московской патриархией в Горненский монастырь в Палестину, было сообщено в 4 Управление КГБ при СМ СССР, а также она была рекомендована для этой цели по линии Уполномоченного Совета по делам РПЦ по УССР. Однако, как Вам известно, “Петрова” и желавшая с ней выехать ее воспитанница, ныне ваш агент “В-20”, впоследствии от выезда в Палестину отказались, о чем “Петрова” в мае с.г. сообщила телеграммой Уполномоченному Совету. Позже в июне с.г. “Петрова” вновь выразила свое согласие на выезд в Палестину, но в связи с тем, что к тому времени группа отобранных монахинь с Украины выехала в город Москву для направления в Палестину, “Петрова” в состав этой группы включена не была» [ГДА СБУ. Ф. 2, оп. 1, д. 2868, л. 43]. Мы ви-

³ Благодарю коллегу Р. Скакуна, любезно предоставившего возможность ознакомиться с этим делом.

дим, что завербованные кандидатки могли отказаться от поездки, однако не потеряли свою ценность для КГБ. Более того, письмо свидетельствует, что КГБ не мог регулировать полностью отбор кадров на Святую землю и считал очень важным настоять на отправке своих агентов.

«В настоящее время <...> Московской патриархией ведется отбор новой группы монахинь из монастырей на Украине, в том числе и среди монахинь Овручского монастыря, который поручено произвести архиепископу Житомирской епархии Владимиру.

Учитывая, что агенты “Петрова” и “В-20” в настоящее время изъявляют желание на выезд в Палестину, Вам необходимо через Уполномоченного по делам Русской православной церкви при Облисполкоме воздействовать на архиепископа Владимира в том, чтоб он включил последних в список рекомендуемых кандидатов» [ГДА СБУ. Ф. 2, оп. 1, д. 2868, л. 43–43 об.].

Комбинации советских ведомств не ограничивались подключением к работе агентов. На межведомственном уровне решался вопрос о настоятельнице Горненского монастыря. Так, весной 1955 г. Московская патриархия вызвала с докладом игуменю Афанасию (Лисенкову), приехавшую вместе с дочерью Евангелиной⁴. По просьбе Патриархии Совет по делам РПЦ обратился в Комиссию по выездам при ЦК КПСС 21 июля 1955 г. с просьбой выдать разрешение на выезд игуменни Афанасии и ее воспитаннице, чтобы они вместе с набранной группой монахинь вернулись в Горненский монастырь [ГАРФ. Ф. 6991, оп. 1, д. 1327, л. 73]. Однако, судя по сохранившимся материалам, 20 октября 1955 г. игуменья еще находилась в Москве и в Израиль ее отпускать не хотели. Более того, ключевое решение в ее судьбе сыграла позиция посла СССР в Израиле и поддержавшего его представителя РДМ прот. Михаила Зернова. «По мнению т. Абрамова и т. М.В. Зернова, нецелесообразно высылать Афанасию в Иерусалим. Игуменья Афанасия не годится как представитель Московской патриархии. Она напоминает базарную торговку, не умеет и не может объединить вокруг себя монахинь, которые крайне недовольны ею вследствие ее стяжательства, жадности, стремлению жить исключительно для себя» [ГАРФ. Ф. 6991, оп. 1, д. 1324, л. 143–144]. В дальнейшем игуменья Афанасия не смогла возглавить Горненский монастырь, а пополнение монастыря стало рутинным процессом взаимодействия представителей РПЦ и разных советских инстанций, однако дефицит монашествующих так и не был преодолен до конца 1980-х гг.

Заключение

В представленном исследовании показаны сложности повседневной жизни русских монахинь, оказавшихся втянутыми в процессы глобальных трансформаций на Ближнем Востоке в 1940–1950-е гг. Привлечение комплекса эго-документов позволило увидеть специфику положения женской колонии Святой земли и мотивацию монахинь в выборе церковной юрисдикции. Появление представителей РПЦ в середине 1940-х гг. в Палестине, в контексте поиска инструментов геополитического влияния СССР на Ближнем Востоке, актуализировало внутреннюю конфликтность и выявило противоречия внутри русского православного эмигрантского сообщества. Конфликт между двумя юрисдикциями Русской церкви напрямую отразился на повседневной жизни православных женщин, оказавшихся в зависимости от деятельности советских ведомств и советско-израильских отношений. Престарелые монахини Святой земли, принявшие юрисдикцию Московского патриархата после создания государства Израиль, становятся объектом внимания и финансовой поддержки Советского государства. Понимание стратегической важности недвижимости Российской империи заставляет Советское государство финансировать содержание насельниц Горненского монастыря. Протокольная запись встречи представителей Совета по делам РПЦ, МИД СССР и Московской патриархии (1955 г.) свидетельствует, что главным заказчиком формирования женского монашества в Израиле выступает МИД СССР, и именно его представителям принадлежало право решения судеб монахинь и игуменни. Важной, а то и ключевой фигурой, определяющей полезность и ценность монахинь, оказывается посол СССР, который не только влиял на объемы финансирования, но и мог потребовать замену руководительницы Горненского монастыря. Мы показали формы самопозиционирования монахинь в переписке с руководством РПЦ и представителями советского МИДа. Несмотря на то что женское монашество к середине 1950-х гг. было в значительной степени инструментализировано государством, женщины, выбравшие монашескую стезю и соглашавшиеся поехать в Святую землю, становились важными акторами в условиях геополитических комбинаций на Ближнем Востоке.

⁴ Игуменья Афанасия хотела устроить ее на учебу в Москве.

Финансирование. Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 20-09-41017.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агапов М.Г. «Принять эффективное участие в судьбе Палестины»: Политика СССР в палестинском вопросе в 1944–1947 гг. // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. 2012. № 1. С. 34–44.

Белякова Н.А. Женское паломничество в условиях глобальных трансформаций на Ближнем Востоке, или Как затерявшиеся на Святой земле паломницы оказались в сфере интересов Советского государства // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. Вып. 8 (106). URL: <https://history.jes.su/s207987840016651-5-1>.

Белякова Н.А., Каиль М.В. Советское присутствие на Ближнем Востоке в условиях разворачивающейся холодной войны: Церковные институты и акторы влияния в Палестине // Новая и новейшая история. 2021. № 6. С. 107–120.

Белякова Н.А., Пивоваров Н.Ю. Религиозная дипломатия на службе советского государства в годы холодной войны (в период Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева) // Контуры глобальных трансформаций: Политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 4. С. 130–149.

Болотов С.В. Русская православная церковь и международная политика СССР в 1930-е — 1950-е годы. М.: Изд-во Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2011. 315 с.

Герасимова В.А. Епископ Мефодий Кампанский и практика паломничества в Святую Землю из Русского Зарубежья: (Пере)изобретение традиции // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38 (4). С. 294–317.

Каиль М.В. «Православный фактор» в советской дипломатии: Международные коммуникации Московского патриархата середины 1940-х гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 19–40.

Каиль М.В. Церковная дипломатия и визит патриарха Алексия (Симанского) в Святую Землю 1945 года // Вестник Тверского государственного университета. Сер. История. 2020. № 4 (56). С. 4–15.

Копылова О.Н. (ред.) Россия и христианский Восток в документах Государственного архива Российской Федерации. М.: Индрик, 2015.

Копылова О., Додонов Б., Лукина К. Постановления и распоряжения Советского правительства, касающиеся связей Русской православной церкви и Советского государства с Восточными патриархатами (1940-е — 1950-е гг.), и материалы к ним (из фондов Государственного архива Российской Федерации) // Иерусалимский православный семинар. М.: Индрик, 2019. С. 148–208.

Кривова Н.А. (ред.) Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров — Совете министров СССР. 1945–1970 гг. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 2. 671 с.

Никодим (Ротов). История Русской духовной миссии в Иерусалиме. СПб.: Санкт-Петербургская православная духовная академия, 2019. 440 с.

Носенко Т.В. Политика СССР и США по вопросу создания государства Израиль (1945–1948) // Вестник Московского университета. Сер. 25, Международные отношения и мировая политика. 2016. № 2. С. 55–88.

Паламаренко Е.В. Деятельность Русской Духовной Миссии в Иерусалиме в 1948–1967 годы: Дис. ... канд. теологии. ОЦАД. М., 2019. 421 с.

Паламаренко Е.В. История Горненского монастыря, написанная иеромонахом Исаией (Бабининым) в 1950 году // Христианство на Ближнем Востоке. 2020а. № 3. С. 4–32.

Паламаренко Е.В. Письма русских монахинь из Иерусалима в 1945–1967 годах // Христианство на Ближнем Востоке. 2020б. № 5. С. 4–186.

Пимен (Хмелевский), архиепископ Саратовский и Вольский. Дневники. Русская духовная миссия в Иерусалиме 1955–1957. Саратов, 2008. 512 с.

Семенченко Н.А. Русская община в Палестине после Первой мировой войны // Восточный архив. 2012. № 1 (25). С. 53–62.

Холодюк А. Елеонская игуменья Тамара. Мюнхен, 2017. 200 с.

Шаповалов М.С., Бокатов А.Ю., Валитов А.А., Герасимова В.А., Григорян Э.Р., Манцевич Л.Н., Мурастова К.А., Шевелев Д.Л. Воображая Палестину: Святая земля и русская идентичность в XIX — начале XXI в. СПб.: Нестор-История, 2021. 776 с.

Beglov A., Beliakova N. International Activity of the Russian Orthodox Church during the Cold War. The results and the future prospects of study // Christian World Community and the Cold War. International Research Conference / Ed. J. Filo. Bratislava, 2012. P. 171–192.

Penkower A.R. Palestine to Israel: Mandate to State, 1945–1948. Vol.II // The International Arena. 1947–1948. Boston: Academic Studies Press, 2018.

ИСТОЧНИКИ

ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 15, 958, 985, 1324, 1327; Оп. 2. Д. 107, 133.

ГДА СБУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2868.

Beliakova N.A.^{a, b}

^a Institute of World History, RAS

Leninskij prosp., 32A, Moscow, 117036, Russian Federation

^b National Research Nuclear University MEPhI (Moscow Engineering Physics Institute)

Kashirskoe shosse, 31, Moscow, 115409, Russian Federation

E-mail: beliacovana@gmail.com

Everyday Life of the Russian Nuns in the Holy Land at the Time of Changes in the Middle East, 1940s–1950s

This study aims at providing an overview of the everyday life of Russian nuns in Palestine after World War II. This research encompassed the following tasks: to analyze the range of ego-documents available today, characterizing the everyday life and internal motivation of women in choosing the church jurisdiction; to identify, on the basis of written sources, the most active supporters of the Moscow Patriarchate to examine the nuns' activity as information agents of the Russian Orthodox Church and Soviet government; to characterize the actors influencing the everyday life of the Russian nuns in the context of the creation of the state of Israel and new borders dividing the Holy Land; to present the motives and instruments of influence employed by the representatives of both secular and church diplomacies in respect to the women leading a monastic life; to describe consequences of including the nuns into the sphere of interest of the Ministry of Foreign Affairs of the USSR; to show the specific role of "Russian women" in the context of the struggle for securing positions of the USSR and the Russian Ecclesiastical Mission in the region. The sources for the study were produced by the state (correspondence between the state authorities, meeting notes) and from the religious actors (letters of nuns to the church authorities, reports of the Russian Ecclesiastical Mission, memoirs of the clergy). By combining the methods of micro-history and history of the everyday life with the political history of the Cold War, the study examines the agency of the nuns — a category of women traditionally unnoticeable in the political history. Due to the specificity of the sources, the study focuses exclusively on a group of the nuns of the Holy Land who came under the jurisdiction of the Moscow Patriarchate. The majority of the Russian-speaking population of Palestine in the mid-1940s were women in the status of monastic residents (nuns and novices) and pilgrims, and in the 1940s–1950s, they were drawn into the geopolitical combinations of the Soviet Union. The Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem, staffed with representatives of the Russian Orthodox Church, becomes a key institution of influence in the region. This article shows how elderly nuns became an object of close attention and even funding by the Soviet state. The everyday life of the nuns became directly dependent on the activities of the Soviet agencies and Soviet-Israeli relations after the arrival of the Soviet state representatives. At the same time, the nuns became key participants in the inter-jurisdictional conflicts and began to act as agents of influence in the region. The study analyzes numerous ego-documents created by the nuns themselves from the collection of the Council on the Affairs of the Russian Orthodox Church under the USSR Council of Ministers. The study shows how nuns positioned themselves as leading a monastic life in the written correspondence with the ROC authorities and staff of the Soviet MFA. The instances of influence of different secular authorities on the development of the female monasticism presented here point to promising research avenues for future reconstruction of the history of women in the Holy Land based on archival materials from state departments, alternative sources should also be found. The study focused on the life of elderly Russian nuns in the Holy Land and showed their activity in the context of the geopolitical transformations in the Near East in the 1940s–1950s.

Key words: Palestine, Holy Land, female monasticism, church diplomacy, cold war agency, orthodox nuns, Gornensky monastery.

Funding. The research was supported by the Russian Foundation for Fundamental Research (N 20-09-41017).

REFERENCES

- Agapov, M.A. (2012). «To take an effective part in the fate of Palestine»: the policy of the USSR in the Palestinian question in 1944–1947. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta imeni M.A. Sholohova. Istorija i politologija*, (1), 33–34. (Rus.).
- Beglov, A., Beliakova, N. (2012). International Activity of the Russian Orthodox Church during the Cold War. The results and the future prospects of study. In: J. Filo (Ed.). *Christian World Community and the Cold War. International Research Conference*. Bratislava, 171–192.
- Beliakova, N.A., Pivovarov, N.Ju. (2018). Religious Diplomacy of the Soviet Union during the Cold War (the Time of N.S. Khrushchev and L.I. Brezhnev. *Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo*, 11(4), 130–149. (Rus.). <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-4-130-149>
- Bolotov, S.V. (2011). *Russian Orthodox Church and the International Policy of the USSR in the 1930s — 1950s*. Moscow: Izdatelstvo Krutitskogo podvorja. Obshchestvo lyubiteley tserkovnoy istorii. (Rus.).
- Gerasimova, V.A. (2020). Bishop Methodian Campanian and the Practice of Pilgrimage to the Holy Land of the Russian Emigration: (Re)Invented Tradition. *Gosudarstvo, religija, cerkov' v Rossii i za rubezhom*, 38(4), 294–317. (Rus.). <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-4-294-317>

- Holodjuk, A. (2017). *Eleonskaja igumenija Tamara*. München, 2017. (Rus.).
- Kail', M.V. (2017). "Orthodox Factor" in Soviet Diplomacy: International Communications of the Moscow Patriarchate in the mid-1940s. *Gosudarstvo, religija, cerkov' v Rossii i za rubezhom*, (1), 19–40. (Rus.). <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2017-35-1-19-40>
- Kail', M.V. (2020) Church diplomacy and the visit of Patriarch Alexy (Simansky) to the Holy Land in 1945. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Istorija*, 56(4), 4–15. (Rus.). <https://doi.org/10.26456/vthistory/2020.4.004>
- Kopylova, O. (Ed.) (2015). *Russia and Christian East in documents of the State Archive of the Russian Federation*. Moscow: Indrik. (Rus.).
- Kopylova, O., Dodonov, B., Lukina, K. (2019). Resolutions and orders of the Soviet government concerning the relations of the Russian Orthodox Church and the Soviet state with the Eastern Patriarchates (1940s — 1950s) and materials to them (from the funds of the State Archive of the Russian Federation). In: *Ierusalimskij pravoslavnyj seminar*. Moscow: Indrik, 148–208. (Rus.).
- Krivova, N.A. (Ed.). (2010). *Letters of Patriarch Alexy I to the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of People's Commissars — Council of Ministers of the USSR. 1945–1970. Vol. 2*. Moscow: ROSSPEN. (Rus.)
- Nosenko, T.V. (2016). The Soviet Union, the United States, and the establishment of the state of Israel (1945–1948). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25, Mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika*, (2), 55–88. (Rus.).
- Palamarenko, E.V. (2020a). The history of the Gornensky Monastery, written by Hieromonk Isaiah (Babinin) in 1950. *Hristianstvo na Blizhnem Vostoke*, (3), 4–32. (Rus.).
- Palamarenko, E.V. (2020b). Letters of Russian Nuns from Jerusalem in 1945–1967. *Hristianstvo na Blizhnem Vostoke*, (5), 4–186. (Rus.)
- Penkower, A.R. (2018). *Palestine to Israel: Mandate to State, 1945–1948. Vol. II*. In: *The International Arena, 1947–1948*. Boston: Academic Studies Press.
- Pimen (Hmelevskij), arhiepiskop Saratovskij i Vol'skij. (2008). *Diaries. Russian Spiritual Mission in Jerusalem 1955–1957*. Saratov. (Rus.)
- Semenchenko, N.A. (2012). Russian community in Palestine after the First World War. In: *Vostochny archiv*, 25(1), 53–62. (Rus.)
- Shapovalov, M.S., Bokatov, A.Ju., Valitov, A.A., Gerasimova, V.A., Grigorjan, Je.R., Mancevich, L.N., Murastova, K.A., Shevelev, D.L. (2021). *Imagining Palestine: Holy Land and Russian Identity in the XIX — early XXI centuries*. St. Petersburg: Nestor-Istorija. (Rus.).

Бељакова Н.А., <https://orcid.org/0000-0003-0470-4497>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 16.09.2021

Article is published: 23.12.2021